

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ДНЕВНИКЕ М. М. ПРИШВИНА (1905–1954)

Сергей Васильевич Красников

студент магистратуры МДА
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
krasnikon@gmail.com

Для цитирования: Красников С. В. Православная Церковь в дневнике М. М. Пришвина (1905–1954) // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2021. № 1 (3). С. 80–92. DOI: 10.31802/WI.2021.3.1.008

Аннотация

УДК 2-286

Статья посвящена теме Церкви в дневниках М. М. Пришвина. Акцент делается на эволюции взглядов писателя, а также выявляются те факторы, которыми она обусловлена. Автор отмечает, что впервые о природе Церкви М. М. Пришвин задумался во время своего участия в религиозно-философском кружке Д. Мережковского. Не понимая истинного назначения Церкви, он предпринимает попытки объяснить ее природу и цель существования через призму пантеистического идеала. В довоенный период писатель считает, что причастность человека к церковной жизни вовсе не обязательна, однако с началом Первой мировой войны и революции 1917 г. его взгляды претерпевают важное изменение: он открывает в ней значительную пользу не только для отдельного человека, но и для всей страны. Решающим в деле приятия писателем Церкви и доверия к ней сыграла Великая Отечественная война. В последние годы его жизни мы не находим у М. М. Пришвина критики Православной Церкви, но, напротив, встречаем многочисленные записи о её важном сотериологическом значении для человека. Автор приходит к выводу о сложном эклектичном взгляде М. М. Пришвина на Церковь, что обусловлено его юношеским увлечением марксизмом, пантеистическими воззрениями на мир, а также огромным влиянием Валерии Лиорко. Однако, несмотря на это, писатель не переставал осмысливать данную тему на протяжении всей своей жизни, что и привело его в итоге к сознательному позиционированию себя членом Православной Церкви.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, Православие, Церковь, дневник, эволюция взглядов.

В настоящее время полноценных исследований о религиозных воззрениях М. М. Пришвина в тексте дневниковых записей (с 1905 по 1954 г.) не существует. Косвенно исследование этой темы предпринимал А. М. Подоксенов¹. Однако его внимание было сосредоточено не на вопросах религиозной веры, но в первую очередь на философских основаниях мировоззренческой позиции художника слова в дореволюционный и революционный периоды ведения дневников. В большинстве случаев литературоведы обращались преимущественно к исследованию художественного творчества М. М. Пришвина. Из их трудов мы знаем о нём, как о художнике-натуралисте, анималисте, географе, даже философе-пантеисте, но только не христианине. К дневниковому же наследию М. М. Пришвина исследователи не могли обратиться полноценно, по причине отсутствия в свободном доступе публикаций.

С 2017 г. дневники стали доступны и опубликованы в полном объёме. Теперь мы можем утверждать, что М. М. Пришвин поднимал множество религиозных тем, в том числе и тему Церкви. Однако его отношение к Церкви не являлось статичным. Можно выделить три условных периода, на протяжении которых отношение к ней претерпевало наибольшие изменения. Первый — довоенный (1905–1913): М. М. Пришвин только начинает предпринимать попытки определить для себя понятие Церкви. Второй — революционный и военный (1914–1940): писатель отмечает особое значение и пользу Церкви в вопросе примирения враждующих сторон, однако с прекращением военных действий начинает её критиковать. И третий этап — ВОВ и послевоенный период (1941–1954): М. М. Пришвин приближается к Православному пониманию Церкви.

Интерес писателя к Православной Церкви в довоенный период связывается с деятельностью религиозно-философского общества Д. Мережковского. Именно оно послужило катализатором его религиозных воззрений и стимулом к изучению вопроса о природе Церкви. Так, в записи от 5 февраля 1911 г. находим у него такое определение: Церковь — это «...единственное убежище, единственная связь этого [нового] мира

1 Подоксенов А. М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина // Религиоведение. 2007. № 4. С. 79–89; Он же. Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М. М. Пришвина: автореф. дис. докт. филос. наук. Белгород, 2008; Он же. Михаил Пришвин. Философско-мировоззренческие контексты творчества // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. Елец, 2013. С. 3–16.

с прошедшим человечества»². Однако, в довоенный период М. М. Пришвин воспринимает церковь двойственно. С одной стороны, это Божье стадо, пасомое Христом, здесь, на земле³. С другой, церковь — это конкретный храм, церковная традиция, священство. Эту церковную жизнь он воспринимает как «безобразную тень»⁴ и символ церкви небесной. В той же записи от 5 февраля 1911 г. М. М. Пришвин пишет: «...мне непонятны эти символы, и все пахнет покойником. Природа — вот моё убежище»⁵. В качестве храма он рассматривает для себя живую природу, как лишённую всех недостатков церкви земной. В дневниковых записях от 26 марта 1909 г. и 5 февраля 1911 г. писатель обосновывает свой разрыв с Православной Церковью следующим образом: «...чувствующему красоту природы человеку, церковность должна быть чужда»⁶, «там те же вечные законы жизни, как и в церкви, от нее все было взято человеком для устройства церкви, но природа по-прежнему живет, а церковь уже мертвая»⁷. Так, на первом этапе М. М. Пришвин заключает, что Церковь и храмы нужны не для всех, и что без них можно обойтись⁸.

Второй период понимания Церкви начинается во время Первой мировой войны. После поездки писателя на фронт военным корреспондентом он перестаёт смотреть на Православную Церковь как на институт слабых и немощных людей. Там он впервые осознает её силу и важность, поскольку она молится за мир⁹. Так вплоть до 1916 г. Церковь в его записях приобретает образ миротворца и молитвенника за страну.

В революцию 1917 г. Церковь становится средством спасения народа¹⁰, а в гражданскую войну М. М. Пришвин видит в ней «единственное место, где сохранился уют...»¹¹, осмысление чего пришло к нему по причине всеобщей безнаказанности зла и вследствие разрушения крестьянами его родового гнезда.

В 1925 г., 5 ноября, в контексте размышлений о русском сектантстве М. М. Пришвин выделяет в Православной Церкви такое качество, как «универсальность». Он видит её главное положительное качество

2 Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. СПб., 2007. С. 582.

3 Там же. С. 310.

4 Там же. С. 628.

5 Там же. С. 582.

6 Там же. С. 336.

7 Там же. С. 582.

8 Там же. С. 336–337, 632.

9 Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. Книга первая. М., 1991. С. 265.

10 Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. Книга вторая. М., 1994. С. 137.

11 Там же. С. 296.

в близости к природе и через это — в близости всех людей между собой. Он замечает, что построить Церковь на одном лишь духе, как это делают сектанты, — невозможно, поскольку у каждого человека могут быть собственные представления о духовной жизни. Поэтому, в отличие от сектантства, основание для Церкви писатель видит в материальном, в «плоти», которая для всех одина. Свои рассуждения он основывает на словах Спасителя: «се камень»¹², видя в этом незыблемую основу Церкви и церковного обряда.

В 1926 г., по причине нарастающей безнравственности в стране, М. М. Пришвин встаёт перед дилеммой, связанной с нравственным формированием человека. В записи от 24 апреля он пишет: «*Вот собирала человека церковь по идеальному образу Христа — не удалось, а “человек” революции оказался бесчеловечным, пустым символом*»¹³. Так, с одной стороны, он осознает, что идеалы Церкви действительно являются идеалами, в соответствие с которыми можно воспитывать человека. Однако, по его мнению, пример революции показал, что данные идеалы либо не осуществимы, либо Церковь перестала оказывать положительное воздействие на людей.

В 1929 г. критика Церкви возникает при осмыслении выражения «Церковь воинствующая». В проповеди данной мысли он, отчасти, видит причину войн и конфликтов между людьми¹⁴. Саму войну между враждующими сторонами М. М. Пришвин считает естественным явлением, но что он осуждает в церковном институте, так это побуждение человека к войне. Сам он так объясняет свою позицию: «*...человек едва имеет времени для устройства мирских своих дел и совсем не склонен к войне и, главное, не из-за чего ему вовсе и воевать, а церковная настройка заставляет его тоже представлять себе мир разделенным на враждебные части*»¹⁵. Так, в отличие от 1916 г., Церковь в сознании М. М. Пришвина перестает ассоциироваться с миротворчеством и становится, отчасти, причиной ненависти и вражды.

В январе 1932 г., наблюдая за полётом птиц над местом некогда взорванного храма, М. М. Пришвин размышляет о Церкви как о месте общения с Богом, отдыха и восполнения человеком своих сил¹⁶. Однако 19 марта он приходит к мнению, что земная церковь в отношении дела

12 Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. Книга четвертая. М., 1999. С. 352.

13 Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. Книга пятая. М., 2003. С. 43.

14 Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. Книга шестая. М., 2004. С. 424.

15 Там же. С. 424.

16 Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. Книга восьмая. СПб., 2009. С. 30.

Христа является «Великим инквизитором» и вопреки высоким идеям преследует собственные цели, а не Христов¹⁷. В связи с данным умозаключением писатель приходит к пониманию земной церкви, как к «средству держать народ в повиновении»¹⁸, что подчеркивает его прежде дуальное восприятие церковного института как высокой, Христовой, и греховной, земной.

Далее, среди особых взглядов на Церковь можно выделить представление М. М. Пришвина о ней, как о «школе любви», что было вызвано всеобщим падением нравов, вызванным закрытием и разрушением храмов. В записи от 4 декабря 1936 г. он пишет: «*Страна была вся усеяна такими школами. <...> Спрашивается, однако, где народ будет учиться любви, если эти школы разрушены*»¹⁹. Так писатель с течением времени признаёт безусловную полезность церкви земной, но сам, по-прежнему, держится от неё в стороне.

В 1937 г. в записи от 31 мая М. М. Пришвин выводит для себя условие непосредственной причастности к земной церкви. Он видит его в состоянии, подобном болезни, и потому сравнивает человеческую потребность в церкви с амбулаторным лечением: «*Церковь должна держаться в стороне и на случай, [если] торчит на пути, должна быть как амбулаторный покой*»²⁰. Вследствие этого автор дневника считает себя здоровым и потому не нуждающимся в помощи церковных обрядов и таинств.

В 1939 г., спустя год, М. М. Пришвин продолжает задаваться вопросом о необходимости причастности к земной церкви. В записи от 4 июля он пишет: «*...если я узнал Христа в самом сердце своем и в том деле, которое называется “творчеством”, то нужно ли идти в Церковь?*»²¹ Данный вопрос приводит писателя к важным христианским истинам и открывает для него главную причину, по которой он на самом деле избегал церкви земной. В записи от 12 июля он пишет: «*...если только Христос как явление моего сердца, свет разума, то ведь это опять же Я, вопиющий в пустыне; а если это не Я, а Он, то вне себя я могу видеть Его лишь в Церкви. И вот тут-то страшно уничтожающе смирение, гораздо большее, чем поэтическое смирение до растения*»²². Так

17 Пришвин М. М. Дневники. 1932–1935. С. 85.

18 Там же. С. 115.

19 Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. СПб., 2010. С. 382.

20 Там же. С. 602.

21 Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. СПб., 2010. С. 346.

22 Там же. С. 359.

М. М. Пришвин открывает для себя истинную причину своего неприятия церкви земной — это необходимость смирения, которое представляется признанному писателю и заслуженному орденоносцу «Знака Почета СССР»²³ ужасающим и страшным. В то же время он начинает рассматривать Церковь не только как совокупность религиозных обрядов, не как храмовую постройку, но как целостную, единоклубную общность людей. Он пишет: «...церковь не в храме каменном, а в том усилении жить одному и везде так, будто не один, а всегда и всюду есть близкие»²⁴. Так М. М. Пришвин несколько приближается к православному пониманию церковного организма, однако имеет собственные мотивы, по-прежнему ища повод быть от неё независимым.

Несмотря на эту положительную тенденцию в восприятии Церкви в 1940 г. его отношение к ней меняется до резко негативного. 16 января писатель сходится с замужней женщиной В. Д. Лиорко. Именно она будет оказывать колоссальное влияние на дальнейшие религиозные взгляды М. М. Пришвина. Валерия Лиорко происходила из дворянского рода, с детства росла в православной среде. Под влиянием Олега Поля (иеромонаха Онисима) симпатизировала монашеству. Даже имела судимость в 1932 г. за «церковно-монархическую контрреволюционную деятельность». Однако православными её еkklesiологические воззрения назвать трудно. Сам М. М. Пришвин в записи от 19 апреля 1940 г. замечает о ней следующее: «...Ляля, по-моему, вмещает в себя весь атеизм и нигилизм русской интеллигенции...»²⁵ 16 мая он делает запись о её позиции в адрес современной церковной практики, которая, по его мнению, искажает христианские истины²⁶, а 4 октября он пишет: «Ляля... в православии своем, как мыслящая личность, свободна»²⁷. С нескрываемым восторгом 26 июня он делает запись об отношении В. Лиорко к церковным таинствам и бывшему мужу, А. В. Лебедеву: «Осталась мораль церковного брака — она разбила мораль и ушла от него»²⁸. В записи от 13 февраля 1941 г. он замечает об её отношении к священству: «Ляля питает к попам враждебное чувство и переносит их, как переносит живая река свои неподвижные берега...»²⁹, а 14 февраля он прямо

23 Орден учреждён постановлением ЦИК СССР 25 ноября 1935 г. 22 августа 1988 г. был переименован в орден Почёта.

24 Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. С. 359.

25 Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М., 2012. С. 140.

26 Там же. С. 167.

27 Там же. С. 283.

28 Там же. С. 210.

29 Там же. С. 377.

утверждает, что *«человек, который содержит в себе Бога — более религиозен и церковен, чем сама официальная религия и сама церковь»*³⁰.

Влияние В. Д. Лиорко на М. М. Пришвина оказалось колоссальным. Уже во время знакомства с ней писатель совершает переоценку ценностей, где место «недостойной Церкви попов» начинает занимать сама В. Д. Лиорко, ставшая для него абсолютным идеалом и образцом религиозности. В записи от 4 марта читаем: *«...чего ж мне скорбеть о внешней церкви, обращенной в мерзость запустения, если внутренняя жизнь с ее церковью, с ее Богом здесь налицо передо мной»*³¹. По этой причине критика Православной Церкви становится более смелой и заметно усиливается. Так, на примере своей православной верующей домработницы М. М. Пришвин заключает, что Православная Церковь творит из людей лишь безвольных и послушных *«церковных животных»*³². Поэтому и сам он, отойдя от церковной морали, без тени сожаления уходит из семьи и начинает новую жизнь с В. Д. Лиорко.

С 1941 по 1954 г. начинается третий период осмысления М. М. Пришвиным Церкви, в котором он приближается к Православию. Начало Великой Отечественной войны сильно потрясло его и заставило заново переосмыслить многие религиозные темы. На пятый день войны автор дневников совершает запись, которая отражает всю глубину переживаемого внутреннего кризиса: *«Весть о войне всех ударила в лоб и всех оглушила, и вот пять суток уже мы хотим прийти в себя и не можем»*³³. Начало Великой Отечественной войны вновь заставило М. М. Пришвина вспомнить о Боге и способствовало увидеть в Нем единственное надежное основание жизни. Уже на шестой день войны он свидетельствует: *«...знаешь, что нельзя его выдумать, и ждешь сигнала со стороны, и шепчешь: да будет воля Твоя!»*³⁴, а в записи от 14 июля, на 22 второй день войны, писатель признает, что *«Церковь есть путь человека к Богу»*³⁵.

Однако, несмотря на тенденцию сближения с Церковью, один вопрос был для него совершенно неразрешим до самого конца этого периода (1941–1954). Он касался церковного брака. В нём М. М. Пришвин приходит к мнению, что Православная Церковь в вопросе брака является несовременной. Писатель считает, что любовь, которую проповедовал

30 Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. С. 377.

31 Там же. С. 74.

32 Там же. С. 77.

33 Там же. С. 497.

34 Там же. С. 498.

35 Там же. С. 515.

Христос, иной, более свободной и возвышенной природы и не ограничивается брачными узами. В связи с этим в записи от 6 января 1942 г. он пишет: «...церковь в отношении брака не дает человеку права выбора, права всей цельностью земной и небесной любви пользоваться на земле, права ради такой любви оставлять то, что взято на себя, как средство избежать блудододеяния»³⁶. Так он находит для себя моральное оправдание сожителства с В. Д. Лиорко, и смещает акцент виновности в сторону самой Церкви.

Несмотря на это, в записи от 5 апреля М. М. Пришвин пишет, что Церковь является «образцом, правилом личной веры»³⁷, и если пребывать вне её, то неизбежно последует самообман, уводящий от истинного христианства. В данном замечании писателя наблюдается его косвенное осознание личной неправоты в пренебрежении земной церковью.

С более преклонным возрастом он начинает всерьёз задумываться о смерти, что снова подталкивает его к размышлениям о природе церковного организма. В записи от 2 сентября М. М. Пришвин впервые соглашается с тем, что «нельзя бросить Церковь»³⁸, поскольку она является связующим звеном между Христом и всеми христианами и позволяет перешагнуть через порог смерти.

В 1943 г. в ходе Великой Отечественной войны значение Церкви в его глазах становится сильнее. О её важности М. М. Пришвин делает целый ряд записей. Так, от 25 марта он пишет: «Христос, конечно, присутствует всюду в жизни, но в Церкви люди тесно собираются во имя Христово и тут Его встретить легче»³⁹; 25 августа: «Церковь есть школа жизненной мудрости»⁴⁰; 30 октября: «в церкви, и находится та питательная среда, которую я получал в природе»⁴¹.

Также о важном изменении в понимании темы Церкви свидетельствует пересмотр собственного мнения 1929 г. Если тогда причину войн и революционных смут М. М. Пришвин видел в самой Церкви, то теперь причина выражается в «распаде основ христианства, разделении церквей и разложении в дальнейшем каждой из них»⁴². Следует заметить, что теперь под церковью, разделяющейся и разлагающейся, он понимает не Православную, но обновленческую «Живую церковь».

36 Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. М., 2012. С. 13.

37 Там же. С. 123.

38 Там же. С. 270.

39 Там же. С. 465.

40 Там же. С. 556.

41 Там же. С. 610.

42 Там же. С. 656.

В 1944 г., с мобилизацией всех ресурсов страны на дело победы, писатель продолжает лично утверждаться в значимости Церкви. В записи от 6 января он осознаёт, что в настоящее время только она может привнести в жизнь человека чувство праздника⁴³. Также, в отличие от устойчивого мнения, что Церковь — лишь место для немощных масс, М. М. Пришвин приходит к противоположной мысли и начинает видеть в церковном человеке признак сильной личности⁴⁴. Также в записи от 22 июля он выделяет в Церкви особую чуткость и служение каждому человеку, внимание, которого более нет нигде⁴⁵.

В 1945 г., с началом регулярного посещения храма в честь Иоанна Воина на Якиманке, Церковь открывается для М. М. Пришвина с другой стороны. Помимо сравнения молитвы в храме с подвигом, по причине усталости, тесноты и большого количества убогих, он называет такую молитву добровольно принимаемым на себя адом⁴⁶. Однако это не мешает писателю видеть Церковь, как «*деятельное осуществление на земле жизни небесной*»⁴⁷, участие в которой «*преображает мир и приближает день воскресения*»⁴⁸.

В 1948 г. М. М. Пришвин обращается к теме Церкви уже в контексте размышлений о природе сектантства. В записи от 28 января он замечает, что в отличие от сект, которые стремятся лишь к свободе в ущерб истине, Православная Церковь, напротив, несёт собой истину и во Христе ограждает ею всех людей⁴⁹. Теперь, спустя 40 лет после вступления в религиозно-философское общество Д. Мережковского, автор дневников ясно осознаёт, что «*только единая соборная апостольская церковь позволяет нам удерживать в жизни как действующее начало Христа*»⁵⁰, при этом замечая, что любая секта способна породить только антихриста. Однако писатель считает, что молодым людям посещение храма вовсе не обязательно и даже вредно, поскольку они не способны в силу своих юношеских взглядов увидеть за образом священника, обрядами, богослужebными ритуалами высокий небесный смысл⁵¹.

43 Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. М., 2013. С. 10.

44 Там же. С. 16.

45 Там же. С. 205.

46 Там же. С. 387, 404–405.

47 Там же. С. 567.

48 Там же. С. 567, 628.

49 Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. М., 2014. С. 30.

50 Там же. С. 30.

51 Там же. С. 70.

В конце 1948 г. на 76-м году жизни М. М. Пришвин особенно выделяет роль Церкви в подготовке человека к переходу в вечную жизнь, тогда как в период пантеистических воззрений он воспринимал эту её сторону лишь как средство запугивания и манипуляции людьми. В записи от 12 ноября он пишет: *«Я только теперь начинаю приближаться к чувству вечности в ее иных, чем у нас на земле, нормах или законах... Вот церковь-то как раз тем и занята, чтобы живого человека подготовить к этому чувству вечности, в этом ее и смысл и сила»*⁵².

Вспоминая свой разрыв с семьей в записи от 13 апреля 1949 г.⁵³, М. М. Пришвин осознаёт, что в отличие от мирского общества и природы для Церкви совершенно чуждо деление и дробность: она всегда остаётся единой и соединяет между собой всех верующих в *«единый целокупный организм»*⁵⁴.

11 марта 1952 г. он совершает несколько записей, в которых обращает внимание на тему происхождения Церкви. Писатель пишет: *«церковь была всегда и везде, где два-три собирались во имя Божие. Но Христос был единственный и неповторимый»*⁵⁵. В данной заметке явно прочитывается аллюзия на стих Мф. 18, 20, что подтверждает уже вполне православный взгляд М. М. Пришвина по данному вопросу.

В конце жизни 1953–1954 гг. всякие упоминания о Церкви почти прекращаются, что вполне можно интерпретировать как разрешение всех проблемных для М. М. Пришвина вопросов, которые связаны с этой темой. 29 марта 1953 г., в праздник Входа Господня в Иерусалим, писатель оставляет запись, которую можно считать результатом его размышлений на тему Церкви. Будучи уже больным человеком, он пишет: *«В церкви стоять не могу: и спина, и ноги, еще что-то мешают, но заглядываю на минутку и успеваю за эту минутку просиять в душе тем удивительным и побеждающим оптимизмом, единственным в мире человеческом»*⁵⁶.

Подводя итоги восприятию М. М. Пришвиным Церкви в дневниках 1905–1954 гг., можно заключить, что данная тема остаётся для него актуальной на протяжении всей его жизни. На первом этапе он сознательно избегает причастности к Церкви, довольствуясь лишь рассуждениями о её природе и поиском подходящего определения. На втором

52 Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. С. 319.

53 Там же. С. 457.

54 Там же. С. 489.

55 Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. СПб., 2017. С. 53.

56 Там же. С. 320.

этапе признает безусловную полезность Церкви, особенно в Первую мировую войну и революцию 1917 г.; приближается к православному пониманию Церкви, однако сам по-прежнему держится от неё в стороне, ища повода быть от неё независимым. На третьем этапе, вследствие Второй мировой войны, М. М. Пришвин уже сознательно обращается к Церкви, как носительнице Жизни, и признаёт за ней безусловный авторитет, за исключением лишь учения о браке.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что экклесиологические воззрения М. М. Пришвина часто идут вразрез с традиционным православным пониманием сущности церковного организма. Однако взглядам писателя не присуща статичность. Он не удовлетворяется каким-либо одним пониманием природы Церкви, и его воззрения постоянно меняются под воздействием тех или иных общественно-политических событий, а также событий личной жизни. М. М. Пришвин постоянно пребывает в размышлениях и колеблется, что находит непосредственное отражение в его дневниковых записях. Однако, несмотря на его довольно эклектичные представления о природе Церкви, её целях и задачах, в целом, у автора дневников можно увидеть положительную динамику в её восприятии.

Так, дневниковые записи М. М. Пришвина, бывшего философа-пантеиста, члена религиозно-философского общества и человека, который всю сознательную жизнь избегал причастности к церковной жизни, являют собой богатый источник сведений — как о самой Церкви, так и о религиозной эволюции человека, прошедшего путь от пантеистических воззрений к Православному церковному мироощущению.

Источники

- Пришвин М. М.* Дневники. 1914–1917. Книга первая. М.: Московский рабочий, 1991.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1918–1919. Книга вторая. М.: Московский рабочий, 1994.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1920–1922. Книга третья. М.: Московский рабочий, 1995.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1923–1925. Книга четвертая. М.: Русская книга, 1999.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1926–1927. Книга пятая. М.: Русская книга, 2003.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1928–1929. Книга шестая. М.: Русская книга, 2004.
- Пришвин М. М.* Ранний дневник. 1905–1913. СПб.: Росток, 2007.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1932–1935. Книга восьмая. СПб.: Росток, 2009.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1936–1937. СПб.: Росток, 2010.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1938–1939. СПб.: Росток, 2010.

- Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М.: РОССПЭН, 2012.
- Пришвин М. М. Дневники. 1942–1943. М.: РОССПЭН, 2012.
- Пришвин М. М. Дневники. 1944–1945. М.: Новый хронограф, 2013.
- Пришвин М. М. Дневники. 1948–1949. М.: Новый хронограф, 2014.
- Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. СПб.: Росток, 2017.

Литература

- Подоксенов А. М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина // *Религиоведение*. 2007. № 4. С. 79–89.
- Подоксенов А. М. *Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М. М. Пришвина: автореф. дис. докт. филос. наук*. Белгород, 2008.
- Подоксенов А. М. Михаил Пришвин. Философско-мировоззренческие контексты творчества // *Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя*. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2013. С. 3–16.

Orthodox Christianity Church in the diary M. M. Prishvin's (1905–1954)

Sergey V. Krasnikov

MA student of Moscow Theological Academy
Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia
krasnikon@gmail.com

For citation: Krasnikov, Sergey V. "Orthodox Christianity Church in the diary M. M. Prishvin's (1905–1954)". *Word and Image, Questions of the Christian Literary Heritage Studying*, No. 1 (3), 2021, pp. 80–92. DOI: 10.31802/WI.2021.3.1.008

Abstract. The article is devoted to the topic of the Church in the diaries of M. M. Prishvin. The emphasis is placed on the evolution of the writer's views, as well as the factors that determine it. The author notes that for the first time M. M. Prishvin thought about the nature of the Church during his participation in the religious and philosophical circle of D. Merezhkovsky. Not understanding the true purpose of the Church, he attempts to explain its nature and purpose of existence through the prism of the pantheistic ideal. In the pre-war period, M. M. Prishvin believes that a person's involvement in the Church is not at all mandatory, but with the beginning of the First World War and the revolution of 1917, his views undergo an important change: he discovers in it a significant benefit not only for the individual, but also for the whole country. The Second World War played a decisive role in M. M. Prishvin's acceptance of the Church and trust in it. In the last years of M. M. Prishvin's life, we do not find him criticizing the Church, but, on the contrary, we find

numerous records about his important soteriological significance for man. The author comes to the conclusion about M. M. Prishvin's complex eclectic view of the Church, which is due to his youthful fascination with Marxism, pantheistic views on the world, as well as the huge influence of Valeria Liorko. In spite of this, however, the writer continued to think about the topic throughout his life, which eventually led him to consciously position himself as a member of the Orthodox Church.

Keywords: M. M. Prishvin, Orthodox Christianity, Church, diary, evolution of views.